

Часть I

1

Телефон звонил долго и назойливо, заставляя напрячься, вынуждая натягивать на себя одеяло и даже засовывать бедную голову под подушку в надежде, что вот-вот прекратится это проявление чьей-то ранней нахальной бесцеремонности. Наконец настойчиво-требовательные звонки смолкли, но не успела Ася вздохнуть с облегчением, как тут же оголтело завершал ее старенький мобильник, оставленный с вечера на тумбочке у кровати. Ну что ж, это уже серьезнее. От этих звонков голову под подушку не спрячешь и под одеяло ящерицей не нырнешь. Тем более что и имя, обозначившееся на ярком голубом дисплейчике, ей никак не позволяло поступить таким образом...

— Да, Жанночка, я тебя слушаю, — хрипловатым со сна голосом пробормотала Ася в трубку, все еще не решаясь окончательно раскрыть глаза. А вдруг у Жанночки минутный какой вопрос, который удастся быстренько решить и,

нажав на кнопку отбоя, снова погрузиться в желанный сон...

— Аська! Ну в чем дело-то? Ты почему трубку не берешь? Я звоню, звоню! Спишь, что ли?

— Так сегодня же суббота, Жанночка! Я выспаться наконец хотела...

— Ну и что? Не жить теперь, что ли, если суббота? Давай вставай быстро и ребят буди. Мы с Левушкой за вами через полчаса заедем.

— Жан, подожди... Как — через полчаса?! Мы же вчера не договаривались! Ты бы позвонила, предупредила. Мы и не готовы совсем...

— Да какая разница — договаривались, не договаривались! Так надо! У Левы обстоятельства изменились! У него сделка крупная срывается, вот и приходится для какого-то важного перца — чиновника поляну срочно накрывать! Левушке позарез его подпись в бумагах нужна! Так что давайте быстро-быстро собирайтесь и едем к нам на дачу. Надо, чтоб к приезду этого товарища все было готово: шашлык-машлык, водка-баня... И шевелись быстрее, Ася! Чего ты сопишь в трубку, как малолетка капризная? Почему я тебе растолковывать все должна, делать мне больше нечего, что ли? Раз сказала — надо ехать, значит, надо ехать!

— Жан, так может, я одна поеду? У ребят какие-то планы, по-моему, на сегодня...

— Ой, ну какие еще планы! Брось! Этот чиновник грозился вместе с семейством зава-

литься, а у него там дети... Кто их развлекать будет, по-твоему? Да и вообще, куда мы без Пашки, сама подумай! Сыночек твой со своими песенками у нас всегда идет как гвоздь программы... Давай, Ась, быстренько, ну что ты никак не врубаешься в ситуацию-то, господи! Только время на разговоры теряем, а нам еще на рынок надо заскочить, мясо для шашлыков выбрать... Давай, шевели помидорами, ну?!.

— Да, Жанна, встаю уже...

— Ой, Ась, и пусть Пашка гитару не забудет, как в прошлый раз! Ты там проследи за ним. Ну, все — через полчаса выходите, чтобы мы вас не ждали, а то Лева психовать начнет...

Откинув одеяло, Ася села на постели, очумело потрясла головой. Господи, как же ей хотелось в это утро выспаться... Но ничего не поделаешь: надо подскакивать шустрым зайчиком и второпях собираться на Жаннину с Левушкой дачу — нельзя друзей подводить. Тем более — таких. За которыми и в огонь и в воду, и в любые обстоятельства, и чтобы обязательно при этом свою преданность и благодарность проявить. А главное — в ее, Асиной, дружбе крайнюю необходимость доказать...

Они дружили давно, еще с института. Еще когда и женаты не были. Правда, Жаннин Левушка с Асиным Павликом часто ссорились и даже дрались однажды по-настоящему, до выбитых зубов и свернутых прилюдно челюстей,

но все равно быстро мирились. Выясняли бурно отношения и вновь заключали мир. А когда поженились, дружили уже семьями: вместе ездили в отпуск, вместе отмечали все праздники, даже совместно, можно сказать, растили родившихся еще в студенчестве Асиных и Пашиных детей — своих-то у Жанны с Левушкой как-то не случилось... Вообще, хорошие были тогда времена: все жили примерно одинаково, и никто никому особо ничего не доказывал. Это потом все пошло-поехало кувыркком так, что бывшие друзья начали распределяться по разным уровням материально-социального положения. А их дружбы, казалось, это пресловутое разграничение будто и не коснулось. Несмотря даже на то, что Левушка в победившем капитализме вполне удачно устроился, быстренько разбогатев-раздобрев, а Павлик так до конца и сохранил преданность своему несчастному НИИ и разрабатываемой в его лаборатории научной теме по сохранению каких-то там совсем уже погибающих природных ресурсов, бесконечно пребывая в длительных сибирских командировках. Дома лишь наездами бывал. Зато уж когда появлялся — у всех праздник наступал: и у Аси, и у детей, и у друзей... Хороший был у нее муж. Умный, талантливый, веселый. И жизнь свою короткую прожил — как песню пропел. Три года назад погиб в этой своей сибирской экспедиции, разбившись на стареньком вертолете над тайгой, оставив Асю одну

с двумя детьми на руках — семнадцатилетним Пашкой и четырнадцатилетней Светланкой — как хочешь, так и поднимай... С тех пор она дружила с Жанной и Левушкой уже одна, после смерти Павла испуганно и окончательно-намертво к ним прилепившись. Потому что надеяться ей было больше не на кого. Потому что они действительно и очень по-настоящему ей помогали: Левушка даже сам для Павлика хороший институт выбрал и плату за обучение сразу за пять лет вперед внес.

— Павлик, Светочка, вставайте! Ну же, быстрее! Мы собираемся и едем к Соколовым на дачу! И у нас всего полчаса на сборы! — Ася, суется, стала поднимать детей.

— Мам, ты чего? Звонишь над ухом, как будильник. Так и перепугать человека можно насмерть... — поднял на нее с подушки лохматую голову Павлик. — Что случилось-то?

— Павлуша, ну вставай же быстрее! Говорю тебе — срочно едем на дачу к Жанне и Лева! И гитару свою не забудь, как в прошлый раз...

— Мам, да куда я не поеду, ты что?!. Я с ребятами уже договорился — репетиция у нас! У меня ни минуты свободной сегодня нет!

— Павлик, да как же ты... Да ты... Ты вообще соображаешь, что ты говоришь? Дядя Лева на тебя надеется, а ты...

— А чего ему на меня надеяться, с какой стати? Я что, обязан его пьяных краснорожих гостей

развлекать? Тоже мне, друзья-акулы... Не хочу!
Я им не публичный мальчик на разогреве!

— Паша, ну как тебе не стыдно, господи...
Что ты говоришь такое... Дядя Лева на помощь твою так рассчитывает, а ты... Да он же тебя как родного сына любит! И вообще, надо уметь быть благодарным, Паша! Не ожидала я от тебя...

Ася всхлипнула, сжала горестно плечи и, закрыв лицо руками, вышла из комнаты сына, выразительно хлопнув дверью. Но, как только вышла, ладони от лица моментально отняла — некогда ей тут спектакли разыгрывать, надо еще Светку будить. Та еще строптивница. А Пашка и без того на ее слезы очень правильно среагирует — так, как надо...

— Мам, все, меня призывать к порядку не нужно, я уже сама встала! — выскочила из своей комнаты дочь. — Чур, я первая в ванную! Потому что я сегодня хорошая девочка, послушная! — проскакала она мимо Аси резвым козликком, взмахивая спутанными неестественно-белыми волосами.

— Да уж, послушная... — проворчала ей вслед, улыбаясь, Ася. — А кто вчера волосы взял и так дико-вульгарно высветлил? Ты стала похожа на продавщицу из овощной палатки! Вот тетя Жанна тебе сейчас покажет, где раки зимуют! Даже неудобно за тебя, ей-богу. Могла бы и совета у нее спросить! Тетя Жанна так любит, когда ты с ней советуешься...

Не успела она развернуться и уйти на кухню, как дверь в комнату сына открылась и выпустила на свет виноватого Пашку — на него материнские слезы всегда быстро и безотказно действовали. Если не злоупотреблять этим, конечно. А Ася и не злоупотребляет — просто сегодня случай особенный: раз Жанночка сказала Пашку привезти, значит, надо обязательно его привезти.

— Мам, да поеду я, поеду. Не реви только, ладно? Сейчас позвоню, ребят предупрежу. А кроссовки мои старые где?

— Не знаю, Паш. Да ты новые надень! Те, что тебе тетя Жанна недавно подарила, фирменные. Там какие-то люди нынче серьезные собираются, нехорошо быть плохо одетым. Левушку подведешь. А ребята твои обойдутся, можно и не звонить, подумаешь, репетиция у них... Что еще за репетиции такие, ей-богу?.. Вы что, выступать где-то собираетесь с вашей суматошной, крикливой музычкой? Лучше бы занимался больше, а не на гитаре бренчал попусту! Кстати, ты ее с собой не забудь взять, тетя Жанна просила напомнить...

— А зачем? — снова начал заводиться Пашка. — Зачем гостям тети Жанны слушать мою крикливую музычку, как ты о ней отзываешься? Раз она такая плохая, так я и не навязываюсь! На вкус и цвет, мамочка, товарищей нет!

— Ну ладно, ладно, вечно ты ворчишь на меня... Ну сказала мать не то, уж и простить

ей нельзя? Иди-ка вон лучше сестру поторопи, а то и умыться не успеешь.

— Мам, а может, и Маргошу захватим? Она быстро соберется, тут же рядом! — с надеждой спросил юноша.

— Нет, сынок, неудобно. Они про Маргошку ничего не говорили. По-моему, она им не очень и нравится, девица твоя, да и места в машине для нее не будет...

Не любила Ася Пашкину девушку, не лежала к ней душа почему-то. Несмотря на то, что сын встречался с ней уже пять лет — с восьмого класса дружат, девушка все равно оставалась чужой для Аси. Да и Маргоша в дружбу особо не стремилась, держалась на дистанции, улыбалась только вежливо-равнодушно, приходя в гости, и все...

Левушкин «Лексус» уже ждал их у подъезда. Жанна, уместив свои внушительные телеса на переднем сиденье, нервно и нетерпеливо курила в открытое окно и очень презентабельно смотрелась в кокетливо повязанном, по молодежной моде, платочке на голове и черных стильных очках, зачем-то присобаченных к этому платочку поверху. И правда, зачем — солнца-то никакого не было и в помине, небо еще с вечера заволкло хмурыми, тяжелыми тучами, и вот-вот грозился пойти нудный осенний дождь. Но Ася знала: это он здесь, в городе, надоедливый, а в желто-красном осеннем лесу совсем даже и

наоборот — тихий и задумчивый, оттеняющий влажно-теплую красоту природного чувственного увядания. И вообще, легкая сырость лесу всегда к лицу: и дышится легче, и краски мягче. И для стареющей женской кожи этот лесной влажный воздух тоже весьма полезен...

— Привет, Аська! Здорово, Пал Палыч! Светка, наше вам с кисточкой... Садитесь быстрее, опаздываем! — улыбнулся им, выйдя из машины, Левушка. — Давай, Пашка, грузи гитару в багажник...

— Светка, ты с ума сошла? — недовольно уставилась Жанна на девочку, выщелкнув окурок в окошко, и даже головой резко и возмущенно дернула так, что стильные ее очки чуть не свалились с платочка на нос. — Ты когда успела себя испохабить-то? Сейчас с такими соломенными патлами уже и не ходит никто! А ты, мать, куда смотрела? — обернулась она к уже примостившейся на заднем сиденье Асе.

— Да разве за ней усмотришь? — Ася расстроено махнула рукой. — Я сама, как вчера увидела, чуть в обморок не упала...

— Светка! Я понимаю, ты мать проигнорировала — она для тебя не авторитет. А со мной почему не посоветовалась? Ну, ты даешь... А я хотела в понедельник тебя на шопинг с собой взять! Приодеть хотела на сезон грядущий, а ты вон что... Эх, ты... Сейчас и по магазинам-то приличным с тобой стыдно будет пройтись —

на лахудру с рынка стала похожа. Не ожидала я от тебя дурасти такой...

— Ну, что теперь поделаешь, тетя Жанночка? Значит, не судьба мне с вами на шопинг попасть! И в самом деле, не позориться же? — сядь след за матерью в машину, с девчоночьим озорным вызовом произнесла Света, за что Ася незаметно, но довольно-таки сильно дернула ее за руку: заткнись, мол, я тебя умоляю...

Жанна любила брать с собой Свету на шопинг, Асю почти никогда не приглашала, а вот девочку звала в эти рейды с удовольствием. Да и сама Ася не претендовала на участие в этих походах по дорогушим магазинам. От одного только взгляда на ценники у нее нервная тошнота подступала к горлу и ступор какой-то находил — ну какая из нее, в таком-то состоянии, советчица подруге... За этими космически невероятными цифрами она и одежды-то самой, как таковой, не видела, а только автоматически сравнивала эти цены со своей зарплатой да замирала от тихого ужаса. А Света — та ничего. Потрясения не испытывала и от ужаса не замирала: и зарплаты у нее еще своей не было, и сравнений неприятных тоже, естественно, пока никаких не возникало...

А в магазинах Жанна ласково называла Свету «дочей». «Ну как, доча, мне это идет?» — кокетливо-громко спрашивала она, косясь на молоденьких продавщиц, собравшихся поглазеть

на этот миниатюрный спектакль под названием «успешная женщина с красивым ребенком на шопинге». Она и Светку в этих честолюбивых походах обряжала-экипировала полностью, может, с еще большим даже удовольствием, чем себя. Образ из нее создавала, как писатель какой или художник. Или скульптор. Или модельер. Вдохновенно-творчески относилась к этому процессу. И Ася всегда потихоньку радовалась, что две ее основные и самые трудные материнские проблемы так удачно разрешились. И девочка престижно, дорого одета, потому как на девчоночьи стильно-модные прикиды никакой ее зарплаты не хватит, и мальчик в хороший институт с наличием военной кафедры учиться пристроен, что и проблему с армией тоже благополучно решает...

— Господи, Пашка, как же ты на отца становишься похож! — грустно произнес Лева, разглядывая юношу в зеркало заднего вида. — Он вот так же брови к переносице сводил, когда чем-то недоволен был... Чем недоволен-то, Пашка? А?

— Всем доволен. Счастлив даже. А что? С утра взяли и изнасиловали, можно сказать... Отчего ж не получить удовольствие?

— Ого! — рассмеялся весело Лева. — Смотри, как мы отвечаем! Весь, весь отцовский строптивый характер... Ну да ничего, Пашка, вот закончишь институт — и сразу ко мне на фирму пойдешь. Я твой характер переделаю.

И человека из тебя тоже сделаю. Мне преданные люди ой как нужны! И деньги я тебя научу делать. Нынче человек без денег, Пашка, за человека вовсе не считается. Ты учишься-то хоть как, а?

— Да нормально...

— Нравится?

— Да как вам сказать...

Теперь уже Пашку Ася изо всех сил незаметно дергала за рукав куртки — ну что за дети такие, ей-богу! Ведь не маленькие уже, должны понимать, в конце концов, кто для них есть такие Лева с Жанночкой... Что, трудно сделать благодарное выражение лица хотя бы? Или ответить пожизнерадостнее? Не убудет ведь от них...

Минуя пустые в этот ранний час улицы, они выехали из города и помчались по недавно отремонтированному, на западный манер, шоссе. Дача Левы и Жанны была расположена в весьма престижном пригороде, и потому дорогу эту делали довольно долго, кропотливо и тщательно. Зато ехать по ней теперь — одно удовольствие. Дождь все-таки надумал пойти, начал наискось чертить пунктирами-капельками параллельные прямые на окнах, и музыка из динамиков лилась соответствующая: грустная и совсем немодная. Музыка со старой пластинки их молодости... Асе сразу вспомнилось, как они ездили на эту дачу раньше, — тогда еще у Левы не было «Лексуса», а был старенький,

купленный с десятых рук раздолбанный «жигуленок», и они так же сидели с Павликом на заднем сиденье, держа детей на руках, да и дача у Жанны слевой в то время еще представляла собой малюсенький однокомнатный щитовой домик в окружении картофельных да луковых грядок. Это сейчас там дворец настоящий...

«Дворец» открылся им сразу из-за небольшого пригорка, при въезде в поселок — показались многочисленные башенки, крытые матовой красной черепицей. Необычный такой домина: желто-красный, праздничный, как пряник. И неизвестно в каком духе и стиле построенный: то ли игра болезненного воображения архитектора, то ли самих хозяев... Хотя внутри этого странного дома было очень мило и уютно: через огромные окна в комнаты практически шагнули красивые осенние пейзажи, видна была и небольшая речка — чистая, быстрая и продуктами никаких смертельно ядовитых производств не отравленная; говорили, что в ней до сих пор даже раки водятся.

К приезду Левушкиных гостей — молодой и надменной супружеской пары с двумя дочками-подростками — у них уже все было готово: нежная рыночная свинина успела истомиться до изнеможения в остром уксусно-луковом маринаде, баня была протоплена на славу и пряно-зазывно источала березовый запах, и даже небо милостиво распогодилось, заиграли робкие солнечные

лучи на мокрой траве аккуратно подстриженного газона. Все, все было готово к приему нужных и дорогих гостей. Все, кроме настоящего, не показного хозяйского радушия да истинной веселой искренности, которые никоим образом, подсуетившись, заранее заготовить, к сожалению, невозможно, как шашлыки, например, или баню, как уж тут ни старайся. Хотя изобразить таковые чувства, конечно, можно постараться, что и делали сейчас, яростно тужась, Жанна с Левушкой, только не получалось у них ничего. Все равно вылезало на первый план некое игривое притворство, молчаливая договоренность на сегодняшнюю только дружбу, на вечер непринужденного вроде бы общения. На самом-то деле оно было весьма и весьма принужденным, но что делать, раз так надо... Особенно старалась Жанна. И смеялась громко, откидывая голову назад, — в совершенно не свойственной ей обычно манере — и заглядывала вопросительно-весело, по-бабьи и по-свойски как бы в надменные глаза супруги Левушкиного нужного человека, и гоняла бедную Асю туда-сюда с поручениями так, что та практически с ног сбивалась. Ну да, а кого же еще Жанне гонять, если не Асю, — она ж здесь не чужая, всегда знает, где и что взять... Сама-то хозяйка ни на минуту от этой гусыни отойти не может, ее ж развлекать надо. А Ася здесь не гостья, Ася здесь своя, давняя подруга-помощница...

Вот Светка — та молодец. Девочка быстро двух чиновничьих дочек раскрутила, несмотря на их малолетнюю, уже проявившуюся надменность. Все носилась с ними по лесу и визжала, как молодая поросятина, и напрягаться-тужиться ей для этого не понадобилось. А потом их к столу привела — веселых, раскрасневшихся, растрепанных. Дети как дети оказались. Обычные смешливые девчонки. А когда из машины выходили, так просто куда там — ни на одной хромой козе запросто не подъедешь... А уж когда Пашка гитару взял да запел свои, по Асиному мнению, простовато-глуповатые душещипательные песенки, они вообще глаза на него вылупили да так их на нем и оставили. И что они, молодые, находят в подобных дурацких песенках? Ася никак этого понять не могла. Ну, выйдет какая-нибудь неухоженная, насквозь лохматая девица с гитарой на сцену, запоет где-то трескучим, где-то с хрипотцой голоском что-то вроде «...я помню все твои трещинки, пою твой-мой песенки...» Что тут такого-то, господи? От чего тут с ума сходить, объясните? Трещинки какие-то... Вот и у Пашки примерно такие же песенки-трещинки получаются. И, удивительно, тоже нравится всем до безумия...

А еще она видела, что Пашка психует. И старается не показывать этого вроде, и улыбается всем вежливо-приветливо, но она понимала, как плохо ему здесь. Неуютно. И с гостями этими

неуютно, и пить им неуютно, и вообще, как будто его здесь и нет. Почти все время, отойдя подальше от плавно тусующегося вокруг стола подвыпившего народа, он ходил-гулял где-то в сторонке, и, прижимая к уху мобильник, нервно размахивал во время разговора свободной рукой, словно доказывая что-то неведомому для Аси собеседнику. Хотя какому уж там сильно неведомому — наверняка с Марго своей разговаривает. Придумала же девчонка себе имя красивое — Марго! Какая там, к черту, Марго? Ей и не идет вовсе. Обыкновенная Риточка — русоволосое и бледненькое создание. Ну, длинноногая. Ну, худенькая. Симпатичная, конечно. А какая сейчас из них, из нынешних молодых, не длинноногая и не худенькая? И не бледненькая? Все они — дети города. Вернее, дети каникул, в этом городе безвыездно проведенных по причине родительской бедности. И все одинаковые. И нечего себе имена красиво-звездные придумывать. Марго она, видишь ли... Вот Ася, например, принципиально ее Риточкой зовет и не иначе, потому что встретишь такую Марго на улице — пройдешь, не заметив, как мимо стены. А у этой гонору — и впрямь как у звезды какой. Знаем мы этих звезд из последнего ряда провинциального кордебалета...

Но суматошный день Пашка, надо отдать ему должное, стойчески вытерпел до конца. И сбегал на электричку только после того, как Жанна с Левушкой проводили, наконец, своих важных

гостей. Остаться ночевать они не захотели ни в какую, так и уселся нужный Левушке перец-чиновник пьяненьким за руль машины — видно, никаких гаишников не боялся. И Жанна после их отъезда сразу переменялась, будто сбросила с себя личину приветливости и отпустила лицо на волю. И держаться от этого лица следовало теперь подальше — уж кто-кто, а Ася свою подругу хорошо знает... Попадешь ей сейчас под руку — мало не покажется. Хотя Ася вполне, вполне ее понимала... Поизображай-ка из себя счастливо-глупую простушку да позаглядывай просительно в чужие надменные рожи... Может, кому-то это и простым делом покажется, но только не ее себялюбивой подруге. И потому, когда Жанночка попросила убрать-перемыть оставшееся после гостей безобразие, Ася согласилась быстро и безропотно. И Жанна с Левушкой благополучно ушли спать. А она еще долго потом посуду мыла — полночи почти. А если бы Светка ей не помогла, так и всю ночь бы провозилась. В общем, опять позже всех спать легла. И когда ей удастся выспаться, наконец?

2

Домой они попали только на следующий день к вечеру. Обойдя всю квартиру, Ася поняла, что и Пашка тоже в их отсутствие тут не появлялся. Интересно, где он ночевал эту

ночь? Сказал, домой поедет... Сразу к Марго пошел? Или у друзей каких-то остался?

О детях Ася всегда беспокоилась. И вообще, придерживалась того мнения, что хорошая мать просто обязана каждый шаг своего ребенка знать и отслеживать. Где он, как он, с кем он... И бесконечно спорила раньше на эту тему с мужем, с Павликом, который все время толковал ей про свободное развитие личности, про унижительность родительского давления и какую-то там зону личного пространства, в которую никоим образом никому вторгаться нельзя. А что — она и не вторгается ни в какую такую зону. Она просто беспокоится и тревожится. Тревожится и беспокоится... Она же мать все-таки. А долг материнский перед детьми пока еще никто не отменял. Так что не прав был ее Павлик, совсем не прав...

Вообще-то с ним очень интересно было спорить. И жить ей с ним было хорошо. Уютно, комфортно, весело. Правда, замуж за Павлика Ася выходила по определенному расчету — не материальному, конечно, но все равно по расчету. За доброту его выходила, за ум, за спокойный характер. Злобы, глупости да пустой суеты она с детства полной ложкой нахлебалась, всякого натерпевшись от матери, женщины одинокой, несчастной и нервной, рассматривающей свое материнство исключительно как недоразумение и божье наказание, посланное ей за грехи прелюбодейские, — ей, бедной, и

так вроде нелегко живется, а тут еще и ребенка кормить-одевать надо, и воспитывать, и в люди выводить. Сплошные долги, а не материнство. А долгов ей не хотелось, ей только радости от жизни хотелось...

В замужестве Ася быстро отогрелась душой. Получила, можно сказать, все сразу и всего много. Щедрыми, полными порциями получила и тепло, и любовь, и заботу, и защиту, поначалу ей даже казалось, что чрезмерно много выпало на ее долю всех этих добрых чувств. Хотя, говорят, любви много не бывает. Но это для тех не бывает, кто рос в ней, в любви-то. А на кого она сразу мощным потоком низвергается, тот и захлебнуться может ею с непривычки очень даже запросто.

И в дальнейшем тоже, когда мужа подолгу не бывало дома, все равно чувствовала себя защищенной. И достатка у них в доме никогда не было большого, а она будто ни в чем и не нуждалась. Жила себе и жила, на других не оглядываясь. Подумаешь, шубы дорогой нет — не больно-то и хотелось, господи. Главное — у нее муж Павлик был. И находилась она в постоянном, радостном чувстве ожидания его возвращения, как ждут свершения невероятно счастливого события... А потом и сына решила тоже Павликом назвать — так ей мужнино имя к душе да к сердцу пришлось. А теперь вот нет его, и она растерялась совсем. Бояться всего стала. И жиз-

ни бояться, и безденежья, и неустроенности, и за будущее детей... И еще — жалеть себя стала часто. Прямо до слез жалко порой себя, такую вот потерянно-неприкаянную...

— Мам, ты чего это?

Зашедшая на кухню Света уставилась на нее удивленно и даже протянула к ней руку, словно хотела погладить по голове.

— Я? А что? Я ничего... — вынырнула из своих невеселых мыслей Ася.

— У тебя лицо такое, мам...

— Какое?

— Как у больного спаниеля... Ты устала, наверное? — В голосе дочери звучала искренняя забота.

— Да ничего я не устала! Просто думаю, каким завтраком вас с Пашкой кормить буду? В магазин-то мы не сходили. Может, мне с вечера сырники сделать, а? А утром разогрею...

— Иди-ка ты, мамочка, лучше ванну прими. Полежи, погрейся, расслабься. А сырники я и сама сделаю, — решительно сказала девочка.

— Да как же — расслабься... Ты что? Пашки же дома нет! А вдруг с ним случилось что?

— Да ничего с ним не случилось, мам! Двадцать лет парню! И хватит о нем беспокоиться — он большой уже мальчик. Иди-иди...

Когда ванна наполнилась, Ася опустила в нее все, что нашлось под рукой полезного: и соль, и мятный шарик, и пену, и даже несколь-

ко капель пихтового масла, и с наслаждением улеглась в пахучую, ласковую воду, закрыв глаза от удовольствия. Вспомнилось сразу, как она любила устраивать себе подобные приятные минуты еще в той, относительно благополучной замужней жизни... Нравилось ей вот так побаловать себя, поухаживать за собой тщательно, почистить перышки, перед зеркалом вдоволь да от души насидеться... Вообще, с Павликом она быстро осознала вкус всего хорошего, что пришло в ее жизнь. Не только его любовью свое внутреннее пространство до отказа заполнила, но и себя тоже, как ни странно, научилась любить. Потому и выглядела все годы своего счастливого замужества легкой, как перышко, девчонкой. К тому же была она от природы худенькой, и это обстоятельство при небольшом ее росточке отбрасывало прибывающие годы на порядок назад — никто и никогда не давал Асе ее возраста. А уж пресловутую пословицу эту про маленькую собачку, которая до самой старости щенок, она просто терпеть не могла! И полагала, что придумали ее себе в оправдание злые, старые и толстые тетки. Звучит-то как обидно: старый щенок... Всегда она себе мысленно почему-то постаревшую собачку представляла. Жалкое, конечно, зрелище...

А вот муж ее, Павлик, считал, что не потому она так молодо выглядит, что ростом мала да

худа, как подросток. А потому, что никак повзрослеть не может. Жизнь, мол, идет и идет себе, а она все еще там, в детстве не очень удачном своем задержалась. Испугалась повзрослеть. Или не посмела, может. Или не дали... И повадки у нее все девчоночьи сохранились, и выражение лица трогательно-наивное, как у ребенка, и отношение к жизни точно такое же. Будто она, жизнь, должна все время только ярким солнцем светить да радовать, а от холода и ветра Асю обязательно муж прятать должен, спиной своей прикрывать. А повзрослеть ей вовсе и не обязательно — зачем? Вот и получилось так, что осталась она после Павлика вдовой-девочкой, растерянной и испуганной, которая ничего больше не умеет, кроме как жалеть себя и плакать да горестно за детей тревожиться...

А что — Ася, если честно, только так и вела себя после Пашиной гибели: сидела, и плакала, и себя жалела. А потом еще и страх сильный навалился, что не справится она с этой взрослой и самостоятельной жизнью, что вдруг потеряет последнюю свою опору — Жанночку с Левушкой. Ей даже сон такой часто снился, однообразно повторяющийся: будто стоит она на высокой горе одна, и со всех сторон дуют ветры злые, и вот-вот ее с этой горы снесут, и она с трудом на ногах держится, и ежится от холода, и взывает о помощи... В таком душевном напряжении и живет последние три года,

в этом бесконечном страхе. Уже сама на себя не похожа стала...

Ася вздохнула, открыла глаза и села. Отгнав от себя пышную шапку белой пены, взяла в руки небольшое овальное зеркало, оставленное Светой на полочке, внимательно взгляделась в свое отражение. Да уж, ничего хорошего. Права Светка, действительно как у больного спаниеля лицо. Очень похоже. Выражение трагической обеспокоенности совсем не шло ему, делало его смешным и жалким. Хотя раньше оно ее вполне устраивало — лицо как лицо, симпатичное, круглое и милое, в обрамлении русых, выстриженных аккуратным каре волос, в меру улыбчивое, в меру доверчиво-открытое... И когда только успели образоваться эти глубокие морщинки-бороздки на переносице? Видимо, она все время так сильно морщит лоб, сводя горестно брови? И глаза будто опустились внешними уголками, поплыли-поехали вниз в мелкой сеточке морщинок, и выражение у них такое страдальчески-напряженное... Да уж, только длинных свисающих ушей не хватает. Точно — спаниель. Еще и больной совсем к тому же.

Положив с досадой зеркало обратно на полочку, Ася погрузилась с головой в воду, оставив снаружи только лицо, будто спряталась в мыльной ласковой и уютной теплоте. Вот и остаться бы в ней навечно, и не выходить на-

встречу жизненным трудностям и тревогам... Только нельзя. Пашки же дома нет. И телефон у него отключен. Где он ночевал-то? Хорошо, если у Маргоши. А если нет? Он же еще про репетицию какую-то говорил... И что это за репетиции такие? Надо учебой заниматься, а не ерундой всякой. Вот пусть только домой придет, уж она с ним поговорит внушительно на эту тему. Придется опять и стыдить, и пугать, и плакать. И на жалость к себе давить. И на долг. И на совесть. Мозги вправлять таким нехорошим образом, в общем. А что делать? Господи, как же трудно, как невозможно трудно одной детей на ноги поднимать...

— Свет, ну что, Павлик не пришел? И не звонил? — выйдя из ванной, тут же кинулась она с вопросами к дочери, честно стоящей у плиты, как и обещала, над сковородкой с сырниками.

— Ну мам, ну успокойся! Что ты, в самом деле! Мало тебе от тети Жанны досталось, что ли? Еще и сама себя изводить будешь?! — успокаивающе проговорила девочка.

— А при чем тут тетя Жанна, Свет? — обиделась вдруг за свою подругу Ася. — При чем тут досталось, не досталось? Чего-то не пойму я тебя...

— Да чего тут понимать, мамочка? Смотреть же больно, как она с тобой обращается! — с горечью ответила дочь.

— И как, как она со мной обращается?

— Бесцеремонно, вот как. Как с пустым местом. Как с прислугой. Как хозяйка твоя, единовластная владычица...

— Свет, ну что ты такое говоришь, госпо-ди... — растерялась вдруг Ася и не нашлась, что сказать, чтобы правильно объяснить дочери, что та вовсе, вовсе не права в отношении Жанночки. Куда-то вдруг подевались все нужные и важные слова, и опять так жалко стало себя, хоть плачь... Но плакать она, конечно, не стала. Нельзя было ей сейчас источать слезы. Не тот случай. Надо было сию секунду, собравшись, постараться доказать дочери, что та глубоко ошибается. И потому, торопливо проглотив комок в горле, Ася проговорила сердито, слегка скорбно даже, придав голосу как можно больше материнской строгости: — Ты сама-то хоть понимаешь, что говоришь, дочь? Какая такая владычица? А я что, рабыня, выходит? Тоже, сделала из меня подневольную Изауру! Смешно даже. Детский сад какой-то, ей-богу... И где ты видела, чтобы хозяева своим рабам так жить помогали? Жанна с Левушкой столько всего хорошего для нас делают! Да если б не они, мы бы давно, давно уже пропали!

— С чего бы это мы вдруг пропали-то?... — буркнула тихо Света, с досадой поглядев на мать. — Ты преувеличиваешь...

— Да? А как, по-твоему, Пашка в институт бы поступил? На какие такие средства я бы его учить

стала, если б не Левушка? Да твой брат давно бы уже в армию загремел! Сейчас сидели б с тобой, пригорюнившись, в ожидании всяких вестей дурных, связанных с его армейской службой. Нет уж, не хочу быть солдатской матерью. Не по силам это мне. А ты?!.. Ты бы во что была одета, если бы не Жанночка? В дешевые китайские шмотки? А сейчас ты выглядишь как модель — прямо глаз мой материнский на тебя не нарадуется! Надо учиться быть благодарной, Света! И все! И уметь отдавать себе отчет, откуда и что берется! И вообще, не ожидала я от тебя такого...

— Мам, ну при чем здесь шмотки...

Отставив сковородку с недожаренными сырниками в сторону, Света резко повернула рычажок, отключив мирно светящийся голубой огонек газовой конфорки, и уселась за кухонный стол напротив матери. Сложив перед собой руки и нервно сплетя пальцы, она вздохнула и решительно продолжила:

— Мам, не пойду я больше с тетей Жанной ни на какой шопинг! Ну их, эти ее шмотки! Вот хоть убей меня, не пойду!

— Это еще почему? Ты что, Свет... — испуганно пролепетала Ася. — И не думай даже о таком! Она же от души тебя одевает! И вообще — ты страшно обидишь человека...

— От души?! Это тетя Жанна — от души?! Да не смей меня, мам!

— А как тогда?

— Ну, уж не знаю как, но только не от души! Понимаешь, мне и не объяснить этого вот так, с ходу... А только не хочу больше, и все. Внутри меня что-то сопротивляться начало этому моральному насилию надо мной.

— Да в чем, в чем насилие-то, Светочка? Тебя одевают! О тебе заботятся! Хотят, чтоб ты хорошо выглядела! А ты — насилие...

— Да. Именно насилие, мам. Она же вертит меня на этих шопингах и так и сяк, будто я кукла неживая! Хоть раз бы поинтересовалась, нравятся мне эти тряпки или нет!

— Ну, знаешь! Дареному коню в зубы не смотрят!

— Ну да, все так, конечно! А только от этого коня почему-то подальше держаться хочется! Такое чувство порой возникает, что она меня не одаривает, а, наоборот, отбирает у меня что-то важное...

— Господи, Свет, опомнись! Ну что, что она такое может у тебя отобрать? И сама толком не понимаешь, что говоришь!

— Нет, я понимаю, мам. Только объяснить не могу. Если только о том, что чувствую, попытаюсь тебе рассказать...

— Ну, так расскажи!

— Ой, как бы это словами выразить...

Света задумалась, смотрела куда-то мимо матери, наморщив лоб. Потом, будто решившись, произнесла на одном только выдохе:

— Она будто вселяется в меня в этот момент, мамочка, понимаешь? И живет во мне. Будто я — это и не я уже, а одна только сплошная тетя Жанна. А меня будто и нет совсем!

— Господи, чушь какая...

— Нет, мам, не чушь! Не чушь! Вот когда она себе что-нибудь в этих дорогущих бутиках выбирает — это еще туда-сюда, этот спектакль у нас нормально проходит. Хотя на ее фигуру шмотки подбирать — это же история целая. На тете Жанне все, что ни надень, как на короле седло сидит... В общем, она примеряет на себя одно, другое, третье, потом психует и за меня берется. Вернее, за вещи, которые мне купить хочет. И ты бы видела ее в этот момент, мамочка! Это не рассказать, это действительно, видеть надо! Как она с любовью эти вещи трогает, как в руки берет, каким сумасшедшим вожделением глаза при этом горят! Такое впечатление, что меня в этот момент и рядом-то нет. Да что меня — как будто вообще никого в магазине нет! Только она и эти модные одежки, на худую да стройную фигуру пошитые. Мне поначалу даже смешно было. Представляешь, наша довольно внушительных размеров тетя Жанночка, вмиг отрешившаяся от всего земного, — в окружении маленьких модных тряпочек... И она их глазами вожделеет и набирает, набирает целую охапку! А потом ведет меня к зеркалу и примеривать эти вещи заставляет.

А у меня опять при этом такое чувство мерзкое возникает, что я — это и не я вовсе. Что нет меня, не существую в природе. Что это не я надеваю шмотки на себя, а она... А потом наступает третье действие этого спектакля, мамочка! Самое отвратительное! Тетя Жанна берет меня за руку и выводит из примерочной на всеобщее обозрение. И опять у нее глаза диким каким-то восторгом горят, и она смотрит на всех будто торжествующе: вот, смотрите, красота какая! А однажды даже взяла и оговорила. Вывела меня и спрашивает у продавщицы кокетливо: «Ну, и как я выгляжу?» А потом опомнилась и поправилась быстренько: «Ой, то есть мы, мы выглядим...»

— Свет, а ты не преувеличиваешь? Как-то странно все это...

— Нет, мам. Не преувеличиваю. Говорю же — мне и самой поначалу смешно было. А потом поняла вдруг: не хочу больше. Не могу...

— Да почему, почему?! Если даже и так все, как ты говоришь... Тебе что, подыграть трудно? Подумаешь, не спросили ее! Жанна, она вообще такая...

— А зачем, мама? Зачем подыгрывать, если я не хочу?

— Да затем, что я никогда и ни при каких раскладах не смогу купить тебе эти шмотки! Ты знаешь, сколько они стоят? Это же бешеные просто деньги!

— Да и не надо, мам! Нет в этих вещах нужды особой — я их и не ношу практически. Не могу и не хочу: такое чувство, будто в обмен за эти тряпочки меня, сильно пощипав, уменьшили. Будто отрывали каждый раз по маленькому кусочку что-то очень внутренне важное, только мое, очень ценное и невосполнимое, которое ни при каких условиях и трогать нельзя! Потому что оно мое и только мое внутреннее личное пространство. И никому права не дано... Вот как будто обокрали меня или обманули в чем! Или изнасиловали...

— О господи, дочь! Не пугай меня! Я понимаю, что ты девочка тонкая да впечатлительная, но не до такой же степени! Надумала себе бог знает что... Да Жанночка тебя без ума же любит!

— Ну да, любит! Конечно же, — послушную куклу она в моем образе любит, а не меня! С таким же успехом она могла бы за собой манекен по этим проклятым магазинам таскать! Хотя какой манекен — от него ничего для себя не отщипнешь и не переселишься в него так запросто воображением... Живая же кукла намного интереснее! В общем, мамочка, я не кукла. Я человек. И ни капельки от себя отдавать не хочу. Не пойду я больше с тетей Жанной никуда. Так можешь ей и сказать. И тебе не советую дерьмо за ними по ночам убирать, пока они дрыхнут! Унизительно все это, мама... Унизительно и страшно даже...

— Света, прекрати, наконец! Перестань! Мне надоели твои выдумки! — вспыхнула, разозлившись на дочь, Ася. Очень сильно разозлилась. Потому что на миг представила себе, как будет говорить Жанне, что дочь отказывается в дальнейшем от походов по магазинам... Ася даже лицо подружки вообразила себе в этот момент и содрогнулась вся. Нет, нет и нет, она не выдержит Жанниной обиды, просто физически не выдержит! А то, что Жанна обидится, было совершенно ясно: уж Ася-то ее знала...

— Мам, ну чего ты кричишь... — подняла удивленные глаза Света. — Я же тебе честно, как на духу, а ты злишься...

— Да потому и кричу, что ты чушь, чушь несешь! Ты просто неблагодарная, зажавшаяся девчонка, вот ты кто! Нельзя так людей обижать! Нельзя плевать в колодец, из которого пьешь!

— Да не пью я из этого колодца! Не пью! И пить не собираюсь!

— Да? А как ты, например, милая моя, собралась образование получать? А? У меня нет таких денег, чтобы за твою учебу платить! Или ты у нас отличница-медалистка, на бюджетное место гарантированно поступишь? Они же тебя, Левушка с Жанночкой, и учить будут! Ты что, не понимаешь этого? Я вот, например, прекрасно понимаю! И буду столько дерьма за ними убирать, сколько потребуется!

Потому что я-то как раз и умею быть благодарной!

На последней фразе Ася вдруг задохнулась и схватилась руками за отвороты теплого махрового халата, будто в горле у нее застряло что-то очень болезненное и горькое. Света, испуганно моргнув, посмотрела на нее, и, уже сдаваясь, совсем тихо, еле слышно прошелестела:

— Но так же нельзя жить, мамочка! Нельзя, нельзя...

Потом вдруг, отчаянно всхлипнув, обхватила руками голову и уткнулась лбом Асе в плечо — и через секунду, обнявшись, они уже плакали в голос, вытирая пальцами одна у другой слезы со щек.

— Дурочка ты моя маленькая! Светочка! Ну что же делать теперь, если жизнь так сложилась? — с придыханием, сквозь частые всхлипывания, говорила Ася. — И не выдумывай зря больше ничего! Жанночка нас любит, очень любит... Мы столько лет вместе... Ты все, все себе придумала... Неправда все это, Светочка...

— Мамочка, ну не надо так унижаться, прошу тебя! — перебивая ее и мотая головой из стороны в сторону, умоляла Света. — Это же невыносимо, в конце концов! Как ты этого не понимаешь?.. Да тогда вообще мне не надо никакого образования, я лучше работать пойду... Или своими силами поступлю...

— Замолчи! — мгновенно перестав плакать, оттолкнула от себя дочь Ася. — Замолчи по-хорошему! И в мыслях даже такого не смей держать! Работать она пойдет! Еще чего не хватало! Кем ты пойдешь работать без диплома?! На рынке в палатке стоять? Или, может, к станку встанешь? И даже заикаться не смей!

— Мам, да я сама попытаюсь поступить...

— Не говори ерунды! Никуда ты сама не поступишь. Ты будешь делать то, что подобает делать в нашем с тобой положении! Так надо, Света. Надо — и по магазинам с Жанночкой будешь ходить столько, сколько ей захочется! Надо — и посуду грязную будешь мыть на даче, и улыбаться, и дружить, и быть нужной и полезной. Надо просто знать свое место в жизни и этому месту учиться соответствовать. И надо уметь быть благодарной, Света. А все остальное — твои глупые выдумки. Чушь собачья...

— Нет, мама, не чушь, не чушь... — пыталась протестовать девочка.

— Хватит! Хватит, я сказала! — уже совсем истерично закричала Ася и заколотила кулаками по кухонному столу. — Ты что, до белой горячки меня довести хочешь, дрянная девчонка? Мало мне достается в жизни, да? Мало я устаю? Мало из-за вас нервничаю? Ты хочешь, чтоб у меня еще и сердечный приступ случился? Этого ты хочешь? Этого?!..

И она действительно схватила за сердце и, согнувшись, сопровождаемая перепуганным Светиным взглядом, ушла к себе в комнату. Уже лежа в постели услышала, как хлопнул входной дверью вернувшийся вскоре Пашка, как долго шептался о чем-то с сестрой на кухне, как разбрелись дети по своим комнатам и затихли наконец.

Сон долго не шел к ней в эту ночь. Спать хотелось смертельно, но заснуть никак не удавалось: мучили тревога, страх и беспокойство, отгоняя вожделенный и сладкий сон-отдых. Ася не могла расслабиться: напряженными оставались мышцы шеи, плеч, ледяные ладони судорожно сжимались в кулачки. А под утро, когда наконец-то удалось на короткое время забыть, привиделся ей совсем уж полный кошмар: куда там гениальному Спилбергу с его неумными фантазиями. Снилось ей, как Жанна всем своим мощным туловищем переселяется в хрупкую Свету, как юное лицо ее семнадцатилетней дочери становится лицом Асиной подруги: вот уже и глаза из серо-голубых и наивных стали темно-карими, жесткими и властными, вот и розовые свежие Светины губы окрасились в темно-багровый цвет дорогой французской Жанниной помады, а вот и рука дочери уже поднимается вверх характерным резким Жанниным жестом и грозит ей, Асе, толстым пальцем с намертво вросшим в него кольцом с крупным черным бриллиантом...

А утро свое она проспала. Соответственно, проспали и Павлик со Светой — привыкли уже, что мать их непременно разбудит, и дрыхли себе в удовольствие. Умчались все по своим делам, не позавтракав даже, — Ася на работу, Света в школу, Павлик в институт... Ругая себя на чем свет стоит, Ася влезла в переполненную маршрутку и, невзирая на недовольные восклицания водителя-кавказца, поехала стоя, чуть согнув ноги в коленках и упершись головой в потолок. Да и какая разница — при ее росте можно и в маршрутке удобно устроиться. Если бы не высокие каблуки, вообще пряменько бы стояла без всяких ухищрений с подгибанием коленей...

На работу ей опаздывать было никак нельзя. Потому что в рекламном агентстве, где Ася вот уже пять лет занимала скромную должность офис-менеджера, происходила в данный момент самая настоящая революция, то есть смена власти. Правда, она была скорее розовой, эта революция, поскольку власть тихо-мирно перешла всего лишь от мужа к жене, но если учесть все сопутствующие неприятные детали этого события, то обстановка в офисе, если уж следовать этим грустным аналогиям, напоминала наступление жестокого постреволюционного диктаторского режима.

На это достаточно хлебное место Асю привел однокашник, Валерка Маковский, то есть Валерий Федорович, конечно. Встретились как-то на улице, она и не узнала его сразу, таким стал вальяжно-презентабельным, куда там... Разговорились, естественно, порасспросили друг друга об одноклассниках: кто да что, да кто где кем пристроился. Ася и о себе рассказала. Собственно, похвастаться тогда было особенно нечем: ее бюджетная организация с громким и длинным названием, весьма престижная в прошлом, разваливалась прямо на глазах; и все ждали со дня на день окончательного решения сверху о скорой ее ликвидации и потихоньку, кому как повезет, подыскивали себе другие места — некуда нынче бедному чиновнику и головушку свою прислонить... Ася и не думала тогда ни о чем таком Валерку просить, пожаловалась в пылу беседы — надо же было о чем-то разговаривать, раз встретились. А Валерка вдруг взял да и сам предложил:

— Слушай, Аськ. А давай ко мне на фирму офис-менеджером! А что? Работа, конечно, не ахти какая престижная, но все же лучше, чем ничего. А я тебе платить хорошо буду. Я же помню: ты у нас девушка чрезвычайно обязательная — никогда не подведешь и спокойная, не из скандалисток каких. Я вообще баб шумных не люблю, ты знаешь...

Так Ася и попала на новое место работы. Валеркин офис, после старых, допотопных письменных столов в ее бывшей конторе, показался ей роскошью несусветной — она такое только в кино и видела. Даже квартира Жанночки с Левушкой, которую Ася воспринимала верхом дизайнерского совершенства, перед такой красотой как-то померкла. Валерка встретил ее очень радушно: напоил кофе, представил всем сотрудникам — все честь по чести. А потом коротко и ясно обрисовал ей задачу:

— Аська, я не знаю, каким образом ты будешь это делать, но даю тебе полный карт-бланш. В общем, так: чтоб все кругом было свежо и чисто, чтобы народ в любой момент рабочего дня находился на месте и в то же время все были довольны и сыты, чтоб было здесь в меру дружелюбно и тихо, без бабских этих ваших базарных склок...

И приступила Ася к новой своей должности, и старалась изо всех сил. Что касалось Валеркиных требований насчет свежести и чистоты — с этим было проще всего, конечно, потому что зарплату в Валеркиной фирме платили хорошую даже уборщицам. Вопрос относительно того, чтобы Валеркины сотрудники постоянно пребывали в приятном состоянии сытости, тоже решился быстро: в отдельной комнатке Ася организовала что-то вроде буфета на скорую руку, или «Асиного бистро», как его вскоре окре-

стили. В кофеварке там никогда не кончался кофе, а в большом термосе — хороший зеленый чай. Можно было на ходу засунуть бутерброд в микроволновку или достать какой-нибудь салатик в пластиковой упаковке из холодильника, а сильно страдающий от возникшего эпигастрального дискомфорта мученик мог себе и овсянку-пятиминутку заварить. Все для вас, ребята, трудитесь только добросовестно...

Но с последним пунктом Валеркиных требований — насчет мирной, дружелюбной атмосферы в коллективе — у Аси были постоянные проблемы. Сама она была девушкой абсолютно неконфликтной. И даже слегка завидовала тем, кто умел конфликтовать, кто жил конфликтом, кто чувствовал себя при этом как рыба в воде. Подобный эмоциональный выброс отрицательной энергии определенного рода людям просто жизненно необходим, остальные же воздерживаются от скандальных ситуаций в силу разных причин.

Ася всегда старалась от любых конфликтов держаться подальше, потому что очень болезненно переживала направленную на нее чужую злобу. Она внутренне напрягалась от сознания того, что кто-то и за что-то на нее внезапно рассердился, возникало чувство душевного дискомфорта, сильно падала самооценка, вызывая на пустом месте чувство вины — голова сама собой втягивалась в плечи. Ася становилась вялой, начинала смотреть заискивающе-виновато — сама себе

противна была в такие моменты. Но ей всегда почему-то казалось, что стоит разгневавшемуся на нее человеку увидеть, как она боится этого, как он тут же ее пожалеет, и поймет, и успокоится, усмирив свое раздражение. Ася и возникающие в офисе ссоры-разборки стремилась уладить подобным же образом, виновато извиняясь от своего имени перед каждой враждующей стороной, пытаясь угодить и вашим, и нашим. И оттого еще больше страдала, потому что в конечном итоге переводила весь огонь битвы на себя и получала в свой адрес уже двойную порцию агрессии и раздражения. Потому что не любят тех, которые и вашим и нашим, таких с еще большим удовольствием обижают. И даже, бывает, объединяются для этого бывшие заклятые враги...

Но, в общем и целом, все у нее шло относительно хорошо до поры до времени. А пора и время наступили совсем уж неожиданно в лице явившейся в их офис менеджера по рекламе Наташеньки, приехавшей к ним из Питера меняться каким-то там опытом по составлению рекламных телевизионных роликов. Никто даже и предположить не мог, что Валерка вздумает в эту Наташеньку влюбиться без ума. Причем настолько сильно, что и жизнь свою благополучную решит поменять на корню, то бишь затеет развод с женой Катериной и уедет вместе с Наташенькой в Питер, дабы начать там все с самого нуля, и даже фирму там другую от-